

Отзыв научного руководителя на диссертацию Линь Инин «Перволичная форма повествования в русской и китайской дневниковой прозе (Н. В. Гоголь и Лу Синь, Ю. В. Жадовская и Дин Лин)»

Диссертация Линь Инин представляет собой самостоятельное, концептуально выстроенное исследование, посвящённое сравнительному анализу перволичной формы повествования в русской и китайской дневниковой прозе XIX–XX веков. Работа отличается высоким уровнем филологической культуры, методологической рефлексии и глубоким знанием как русской, так и китайской литературных традиций.

Тема диссертации находится на пересечении нескольких актуальных направлений современной филологии: исторической поэтики, компаративистики и нарратологии. Изучение перволичной формы повествования как инструмента индивидуализации литературного сознания представляет значительный интерес для понимания типологических закономерностей в развитии мировой литературы. Актуальность диссертации определяется недостаточной изученностью перволичного повествования в рамках исторической поэтики, а также слабой разработанностью теоретического осмысления категории личности в сопоставительном русско-китайском контексте. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится систематическое сопоставление перволичного повествования в русской и китайской литературах с учётом генезиса и национальной специфики, а также впервые устанавливаются типологические схождения в женских дневниках Ю. В. Жадовской и Дин Лин.

Линь Инин удалось показать, что активное усвоение перволичного повествования китайской литературой, произошедшее лишь в начале XX века в связи с реформой письменности в период «Движения 4 мая» (1919), не было простым заимствованием, а представляло собой синтез зарубежных влияний и национальной повествовательной традиции. Данный тезис, подкреплённый глубоким анализом текстового материала, является одним из наиболее значимых результатов работы.

Особого внимания заслуживает фундаментальность теоретико-методологической базы работы. Основными методами являются сравнительно-исторический и сравнительно-типологический подходы, основы которых были заложены А. Н. Веселовским и развиты В. М. Жирмунским. Автор не ограничивается прямыми текстуальными сопоставлениями, а предпринимает глубокий ретроспективный анализ эстетических и философских оснований формы «я»-высказывания в обеих литературных традициях. В этом контексте показано, что отсутствие частого употребления местоимения «я» в классических китайских текстах выражает особый культурный принцип – лингвистическую «безличность», обусловленную

спецификой китайского языка (регулярным опуском подлежащего), конфуцианской этикой сдержанности и даосской установкой на «теневое», скрытое, внутреннее начало *инь* 阴.

Сопоставление этих концепций с исповедальной традицией русской литературы, сложившейся начиная с агиографии и автобиографической исповеди протопопа Аввакума и развитой в классической прозе XIX века, позволяет автору очертить значимое поле типологических пересечений и различий, задающее направление всему компаративному исследованию.

Как специалисту, в сферу исследовательских интересов которого входит взаимодействие китайской литературы с иноязычными традициями и проблема культурного трансфера, особенно импонирует то, как автор уверенно и органично работает с теоретико-литературным аппаратом – как отечественным (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Л. Я. Гинзбург, О. Г. Егоров), так и китайским (Шэнь Дань, Чэнь Пинъюань, Ли Сюйнань, Ван Цзечжи).

Исследование Линь Инин охватывает широкую литературную панораму. Материалом для прослеживания истоков перволичной формы послужили русская лирика (Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин, А. А. Фет), китайская лирика (Цюй Юань, Ли Бо, Ду Фу), автобиографическая исповедь (протопоп Аввакум), танские новеллы и сунские *бицзи*. Для сопоставления и анализа трансформации перволичного повествования в дневниковой прозе выбраны две пары текстов: повести-дневники «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя и одноименное произведение Лу Синя; «Отрывки из дневника молодой женщины» Ю. В. Жадовской и «Дневник Софьи» Дин Лин. Критерием сопоставимости выступил общий для этих периодов литературный процесс: усвоение западноевропейских традиций перволичного повествования. Однако автор анализирует не только хрестоматийные тексты Лу Синя и Дин Лин, но и привлекает менее изученные в отечественном литературоведении произведения Ши Чжэцуня, Чжан Тяньи, Ба Цзиня и Мао Дуня. Это расширяет границы сравнительного анализа и демонстрирует умение мыслить исторически, видеть процессы литературного развития в динамике. Прослеживание эволюции дневникового жанра в китайской литературе 1920–1940-х годов – от саморефлексии и психологизма к социальной сатире, от нарратора-протагониста к нарратору-наблюдателю – выполнено на высоком методологическом уровне.

Введение в научный оборот ряда китайских критических и художественных источников составляет важный и самостоятельный вклад автора в развитие российской китаистики.

Зрелость аналитического метода проявляется в работе с культурно-символическими категориями. Мотив безумия рассматривается автором как носитель принципиально различных мировоззренческих смыслов. Гоголевский «юродивый» / «маленький человек»

сопоставляется с образом «буйного» (куан 阴) героя Лу Синя, и это различие – между отчаянием бессилия и бунтарским свободолобием – оказывается крайне важно для понимания идеологической разницы двух литературных традиций. Здесь диссертант демонстрирует не просто знание контекста, а глубокое чувство смысловых нюансов, стоящих за литературными образами.

Сравнительный анализ женских дневников Жадовской и Дин Лин также выполнен на высоком уровне. Автор выявляет общие стилевые и композиционные черты: внутренний конфликт героинь, диалог с «чужим словом», отражающим отношение социума к женщине, фрагментарную речь с обилием многоточий и риторических вопросов. Вместе с тем тонко показано фундаментальное различие двух женских образов: Мина, героиня Жадовской, олицетворяет жертвенную любовь и обретает покой в молитве и вере в Бога, тогда как Софья Дин Лин, живущая в эпоху социальных перемен начала XX века, разрывается между чувственным влечением и нормами морали.

Положения, выносимые на защиту, логически обоснованы и убедительно аргументированы текстовым материалом.

1. Установлены как сходства, так и существенные различия семантики и функций перволичной формы в русской и китайской традициях: если в русской лирике местоимение «я» служит ключевым средством обозначения лирического субъекта (наследуя западноевропейскому романтизму), то для классической китайской лирики характерен принцип безличности, обусловленный лингвистическими и эстетико-философскими факторами.
2. Различие между приёмами перволичного повествования определяется философскими и религиозными принципами: в русской литературе доминирует устойчивая исповедальная традиция, восходящая к агиографии; в китайской – либо поверхностно-сентиментальное восприятие мира, либо внимание к внешнему миру, при доминирующей категории безличности.
3. Утверждение перволичного повествования в китайской литературе первой половины XX века стало результатом синтеза зарубежных влияний и национальной традиции, для которого характерны три типа повествования: саморефлексивный, сентиментальный и ориентированный на внешнюю реальность.
4. Для раннего этапа развития жанра художественного дневника выявлены слияние точек зрения нарратора и персонажа и использование прямого психологизма (самоанализ, рефлексия, внутренний конфликт, включение «чужого слова»).

Обозначены два вектора психологизма: «внутри» (саморефлексия «маленького человека» у Гоголя) и «вовне» (социальный протест у Лу Синя).

Данная типология представляется не только хорошо обоснованной, но и эвристически перспективной для дальнейших исследований в области компаративной поэтики и нарратологии.

Диссертация является одним из немногих исследований, где китайский материал анализируется как равноправная составляющая мирового литературного процесса. Такой подход соответствует лучшим традициям отечественной синологии, заложенным академиком В. М. Алексеевым, который, как справедливо отмечает автор в своей работе, призывал «извлечь дальневосточный материал из его дальневосточной оболочки и экзотики» и стремился сделать китайскую литературу предметом исследования наравне с литературами других стран: «Для истории китайской литературы, как и для всякой другой, сравнительные этюды являются существенно важными, поскольку именно они ведут непосредственно к созданию соответствующих частей истории литературы мировой».

Мой собственный опыт работы с художественными текстами, повествовательными стратегиями и механизмами культурного трансфера в китайской литературе убеждает меня в научной продуктивности именно такого, равноправного подхода к компаративному анализу. Линь Инин в полной мере реализует этот принцип, опираясь при этом на сравнительно-типологический подход Веселовского и Жирмунского, обогащённый опытом И. Н. Исаковой в области исторической поэтики конфликта.

Линь Инин демонстрирует редкое для молодых исследователей сочетание филологической эрудиции, тонкого аналитического мышления и широкого культурного кругозора. Она свободно ориентируется как в российском, так и в китайском литературоведении, что убедительно показывает обзор степени изученности вопроса и библиография работы. Автор уверенно работает с оригинальными текстами на классическом и современном китайском языке, привлекает статистические данные, что придаёт выводам доказательную основу.

Основные положения исследования отражены в 5 публикациях, 4 из которых – в научных журналах из списка, утверждённого решением Учёного совета МГУ имени М. В. Ломоносова. Результаты работы прошли апробацию на международной научной конференции (апрель 2024).

На основании всего сказанного считаю, что диссертационная работа Линь Инин «Перволичная форма повествования в русской и китайской дневниковой прозе» полностью

отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 5.9.3 – Теория литературы (Филологические науки), и может быть представлена к защите.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,

доцент кафедры китайской филологии

Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова

Ю. А. Дрейзис

Дата: 8 декабря 2025 г.